

Если заглянуть вглубь истории, то выяснится, что крепостного права в Сибири действительно никогда не было. Зато, чего сумела избежать центральная Россия, у нас существовало рабство. Самое настоящее, с двумя главными, присущими этому типу общественных отношений, сторонами: торговлей невольниками и полным их бесправием. Но имелись у него и свои особенности.

В Сибири рабов называли по-турецки - ясырями. В XVIII веке на Иртыше в окрестностях Омска для содержания их и торжища ими был отведенный специальный остров - остров Невольников. Его еще называли островом Пленников.

Я люблю гулять со своими двумя внуками и внучкой по бывшему острову Невольников. Через год-другой, когда они станут постарше, я им расскажу, что раньше место парка с веселыми аттракционами и густыми зарослями тальника на берегу Иртыша было одной большой тюремной территорией. Вот здесь, к примеру, где сейчас расположен комплекс каруселей, двести пятьдесят лет назад, возможно, стоял дом для стражи. Отсюда все речное побережье как на ладони. А ближе к самому Иртышу, где среди леса из ив пробиты торные тропинки, раньше, кроме редких чахлах кустиков, берег не имел практически никакой растительности. В тесных приземистых строениях сидели пленники - живой товар купцов из Степи. Летним солнечным днем несчастные страдали от жары, ночью - от холода. А вон там, где находится небольшая открытая спортивная площадка, не исключено, что начинались сходни речного причала. К нему рано утром приставали баркасы, чтобы забрать партию рабов и перевезти на противоположный, левый, берег Иртыша. Затем их гнали к Елизаветинской защите, небольшому укрепленному, которое, если сослаться на самые заметные ориентиры, размещалось как раз напротив устья Омки. У стен форпоста от восхода до заката гудел базар, где имелись места и для торговли ясырями.

После того, как рабство в Западной Сибири приказало долго жить, омичи бывший Невольничий остров переименовали в Затонский. Его примерные границы в длину: от улицы Кемеровской до городка Водников. Общая протяженность составляла около километра. А еще позднее, когда время и люди основательно поработали над этим кусочком суши, он превратился в полуостров, окаймляющий длинную гавань. В промежутке между земляной косой и правым коренным берегом Иртыша на зимовку располагаются пароходы. Но значительная часть территории, где века назад томились невольники, сейчас дарит радость горожанам - она вошла в состав популярной среди жителей Омска парковой зоны под общим названием «Зеленый остров».

Но кто же, спрашивается, попадал в число невольников? Среди них можно выделить три главных категории. Первую представляли степняки - взятые в плен казаками джунгары (в научной литературе их именуют еще калмыками, ойратами или западными монголами) и казахи, плененные джунгарами. Вторая категория - с самой страшной судьбой по нынешним меркам - дети степняков, продаваемые собственными родителями. И третья - сибиряки: русские и татары обоих полов, захваченные степняками. Рабы считались, говоря современным языком, импортным товаром и обкладывались таможенным сбором - 25 копеек за голову. Почему для содержания и продажи ясырей отвели именно остров, вряд ли надо объяснять отдельно: с клочка земли, окруженного водой, убежать труднее.

Работоторговля в Омске имела некоторое двусмысленное положение. Владеть рабами в России запрещалось. Но Сибирь являлась не собственно Россией, а

Из современных жителей Омска мало кто знает, что территория веселого парка «Зеленый остров» некогда служила тюрьмой для рабов.

ОСТРОВ РАБОВ

ОЧЕРК ИЗ КНИГИ «ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ: УДИВИТЕЛЬНАЯ И ПРЕКРАСНАЯ»

Коренные сибиряки привыкли гордиться тем, что наши края, в отличие от европейской части России, не знали крепостного права.

Поэтому, как ни суди, а получается, что мы - люди изначально свободные.

Однако так ли все однозначно?

отдаленной колонией, где наряду с правительственными указами действовали свои неписанные законы. Отношение же московского правительства к сибирскому рабству отличалось удивительной непоследовательностью. В течение 250 лет, в период с начала освоения Сибири и до исчезновения сибирского рабства, редко случался десятилетний промежуток, чтобы не вышел царский указ, то полностью запрещавший владение невольниками, то частично, с оговорками, разрешавший его.

Метания центральной власти объяснялись двумя взаимоисключающими друг друга обстоятельствами. Этическими нормами православия, запрещавшими владение рабами, и огромной территорией Зауралья, где в первые два века после присоединения к России огромного края на полях работать было некому. Местные народы продолжали жить своим национальным укладом, а среди переселенцев из Московии преобладали не обремененные семьей мужчины. Последние в своей основной массе относились либо к военным, либо к каторжникам, либо к авантюристам. Едва появлялась возможность, они уходили в охотничьи артели, разбойничьи шайки или подавались с солдатами в военные походы. Пространства огромные, земля для возделывания пшеницы, ржи и льна пригодна, а возделывать их желающих мало. Поэтому каждый прагматичный крестьянин или казак, что не за легкой добычей в Сибирь подался, а влестать попотеть на пашенке, которой сколько распахал, та вся и твоя, остро нуждался в работниках. А нанять некого. Поэтому земледельцам приходилось поневоле покупать ясырей.

Имелось еще одно обстоятельство, объяснявшее сибирскую живучесть торговли людьми. Острая нехватка православных невест.

Мужиков за Урал - кого в составе солдатских полков, а кого-то и по этапу - тысячами направляли, а партии в полусотню женок из уголовных преступниц, где добрую половину составляли мужеубийцы, - изредка. Но ведь сибирские православные мужики, состарившись, свои последние годы обычно доживали в окружении внушительного семейства. На ком же они женились в молодости? Будущих жен сибиряки из русских покупали на невольничьем рынке Омска или выменивали у аборигенов их рабынь, а также дочек и внуков. Российские за-

коны и традиции не запрещали браков с туземными женщинами, если последние добровольно принимали православие.

Генерал-майор Семен Броневский, служивший в Омске в первой трети XIX века, указывал, что торговля рабами - вещь благая. Надо видеть, писал генерал, как несчастны и удручены невольники на торжище и какими уверенными в себе они становятся, пожив немного в русских семьях. Но, с другой стороны, указывал Броневский, сибиряки, русские по языку и православные по вере, с течением времени все больше и больше обретают азиатские черты. Так как парни женятся на бывших рабынях, а девки выходят замуж за бывших ясырей.

Мне лично за примерами далеко ходить не надо. Моего отца в армии, как он сам часто вспоминал, пожилой старшина и не называл никак иначе, кроме как «наш казашок». Как чуть, так: «Куда опять пропал наш казашок? Ему ж в наряд идти» - нелюбовь к дисциплине у нас фамильный порок.

Вмоей памяти до сих пор живы картинки, когда ко мне, 10-12-летнему мальчишке, на автовокзале нашей северной Знаменки подходили старушки-татарки и начинали что-то говорить на своем языке. Когда же я в ответ сообщал, что не понимаю их, они уже по-русски, с большим акцентом, принимались стыдить, мол, нежего такому большому парню не знать родной язык. Потом, завершив воспитательную работу, просили прочитать вслух расписание автобусов, чтоб прикинуть, хватит ли времени еще раз сбежать в районный универмаг. В шестидесятые годы прошлого века встретить на севере нашей области бабушку, хоть русскую, хоть татарку, не знавшую грамоты - дело привычное, практически в порядке вещей.

А сибирское рабство потому и осталось почти незамеченным в истории, что оно было менее жестоким, чем российское крепостничество, которое от рабства по сути мало чем отличалось, но официально таковым не считалось. Путешественники, проезжавшие Омск, в своих заметках отмечали, что по дому каждого крупного чиновника или старшего офицера бегают стайки пестро одетых калмычек-служанок, которые постоянно что-то весело щебечут по-своему.

В Сибири рабовладельцы не опускались, да и, повязанные общественным

мнением деревни или городского квартала, не имели возможности опуститься до откровенного варварства. Собственно, они рабовладельцами были временно. Ясыри, если приняли православие, имели право покинуть хозяина при достижении определенного возраста. Крестившийся невольник официально переставал считаться рабом. И тут уже все зависело от двух факторов: натуры невольника и его знаний: знал он или нет, что после крещения становился свободным человеком. Одному православному держать в рабстве другого православного, достигшего зрелого возраста, не разрешалось. А малолетние крещенные рабы считались чем-то вроде приемных детей. Но с возрастными планками не все так ясно, как кажется. Где-то 17-летний молодой человек имел равные права с мужчинами, а где-то надо было дожить до 25 лет, чтобы требовать свободы. А где-то христианин, слабый духом, чтобы рваться на свободу, наряду со степняком мог всю жизнь провести в рабстве.

Государство по мере сил боролось с нарушителями законов. Создавались специальные комиссии, которые совершали инспекционные поездки по городам и весям в поисках нарушителей российских «рабовладельческих» законодательных актов. Действенность инспекций во многом зависела от человеческого фактора. Иногда комиссии для проформы существовали, а иногда после их посещения того или иного села количество свободных крестьян заметно сокращалось. Хозяев, уличенных во владении совершеннолетними православными рабами, арестовывали и увозили в тюрьмы. Но если на владение ясыря славянских кровей русским купцом или казаком все же часто смотрелось сквозь пальцы, то обладание православными рабами со стороны степняков или сибирских татар строжайше запрещалось. Тем не менее, многие из российских тюрок умудрялись владеть десятками православных невольников - рискованных людей во все времена хватало. И знали, чем задобрить воевод. Дарили красивых девок.

Особо требуется подчеркнуть, что торговлю невольниками на берега Иртыша принесли не русские. Она возникла за сотни лет до их прихода. Но и в число первых, кто выступил за регулирование и запрет торговли живым товаром в Прииртышье, русские тоже не входили. Первым противником абсолютного рабства считается сибирский князь Едигей. До него сибиряки-аборигены не только продавали пленников, но и свободно торговали собственными детьми. Князь наложил вето на продажу детей в рабство. После его запрета цены на малолетних рабов в Азии взметнулись вверх.

Видимо, и Невольничий остров в качестве тюрьмы для ясырей начал служить задолго до 1716 года, когда появились первые редуты Омской крепости. И слово «ясырь», что переводится как «раб» или «пленник», русские, скорее всего, тоже переняли от прежних хозяев Сибири. Место слияния Оми и Иртыша являлось точкой, где сходились границы владений сибирских татар, западных монголов и казахов. По сути нейтральная территория. Идеальное место для торговли живым товаром. Остров же для обустройства на нем тюрьмы хорош естественной защищенностью - широкой полосой воды с быстрым течением. С него трудно убежать, на него сложно устроить налет и отбить взятых в плен родственников. Понятно, что устье Оми и до прихода российских солдат не было пустынным. В документах XVII века упоминается о существовании здесь постоянно действующей джунгарской переправы. А постоянная переправа на таких крупных реках, как Иртыш и Омь, просто обязана иметь хорошее оснащение и искусных лодочников. Скот с одного берега на другой в утлых челнах-маломерках по бурной воде не повезешь. Сам собой напрашивается вывод, что если не город, то уж крупный поселок тут точно стоял.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Окончание в следующем номере).

Русские земледельцы и казаки, не понаслышке знавшие, что такое неволя (многие из них свой род ввели от крепостных крестьян), придя в Сибирь, местные условия игры приняли со спокойным сердцем. И законы собственной страны, если мошенничество приносило прибыль, нарушали без зазрения совести. Например, русским военным даже в боевых походах запрещалось захватывать рабов. То есть в плен врагов брать разрешалось, а обращать их в рабство - нет. И что же? Из походов приводили сотни рабов. Это были пленные, на которых оформлялись фальшивые купчие, потому что покупать ясырей казакам и офицерам не запрещалось. Впрочем, иногда и запрещалось.

Московское правительство, как я уже указывал в начале очерка, пытаясь регулировать несвойственные для европейского государства межличностные отношения, издавало множество указов. Они часто противоречили друг другу. По одному указу, рабов разрешалось покупать лишь для вывоза в европейскую часть страны. Такой раб, после пересечения Урала, получал статус крепостного крестьянина. Потом мог появиться царский указ, который разрешал покупку ясырей лишь для владения на территории Сибири. И так далее. Но, опять повторюсь, рабовладельческие отношения в Зауралье регулировались не столь законодательными актами центральной государственной власти, сколь местными обычаями. Поэтому рассуждать о тех или иных сибирских исторических реалиях, опираясь исключительно на архивные документы, весьма рискованно. В первую очередь необходимо учитывать своеобразие местных условий. В европейской России взаимоотношения селян, если деревенка крепостная, регулировались помещиком, а в свободных от крепостничества регионах - обычаями давно устоявшейся общины. Там все у власти на виду. Сибирские же села, разбросанные на десятки болотистых верст друг от дружки, являлись терра инкогнита для местных властных структур. Кто до сибирских земледельцев мог доводить законы? До большинства - никто. Жили как бог на душу положит. Все зависело от того, кто брал верх в сельском лидерстве. Сволочный род становился главным: странников за десять верст от деревни начинали предупреждать, чтобы проскакивали ее быстрее. Если с праведника деревенские пример брали, то и церквушечка ухоженной стоит, и ребятишки улыбочиво здороваются с каждым встречным, и ночлег с ужином путнику обещают. Потому для судьбы конкретного ясыря больше значило не то, какой очередной указ подписал царь, а то, в какое село его купили.

Благодаря тем же огромным пространствам и относительному безвластию на них, наши, сибирские рабы, сильно отличались от российских крепостных. В лучшую, по человеческим качествам, сторону. Наказал хозяин незаслуженно ясыря, тот сунет ночью факел под угол дома, и поминай как звали. Вот как о подобных коллизиях сибирской действительности пишет служивший в Омске в первой трети XIX века генерал-майор Семен Броневский: «Бездетные козаки приняли обыкновение их (приобретенных ясырей. - В.Г.) усыновлять, да и вообще ласково с ними поступают, называя детьми своими, хотя дети сии часто бывают неблагодарными, и по возможности обкрадывая, убегают в степь; но нет вещи без исключения, злоупотребление и жестокость некоторых владельцев бывает тому причиною». Добавлю, невольники уходили не только в степь, но и в татарские селения тоже, пробирались также в отдаленные нелегальные русские деревушки из беглых холопов и каторжников. Еще и сегодня, как бы странно это ни выглядело, в Сибири существуют хуто-

ОСТРОВ РАБОВ

ОЧЕРК ИЗ КНИГИ «ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ: УДИВИТЕЛЬНАЯ И ПРЕКРАСНАЯ»

Я люблю гулять со своими двумя внуками и внучкой по бывшему острову Невольников. Через год-другой, когда они станут постарше, я им расскажу, что раньше место парка с веселыми аттракционами и густыми зарослями тальника на берегу Иртыша было одной большой поремной территорией. Вот здесь, к примеру, где сейчас расположен комплекс каруселей, двести пятьдесят лет назад, возможно, стоял дом для стражи. Отсюда все речное побережье как на ладони. А ближе к самому Иртышу, где среди леса из ив пробиты торные тропинки, раньше, кроме редких чахлых кустиков, берег не имел практически никакой растительности. В тесных приземистых строениях сидели пленники - живой товар купцов из Степи. Сегодня значительная часть территории, где века назад томились невольники, дарит радость горожанам - она вошла в состав популярной среди омичей парковой зоны под общим названием «Зеленый остров».

ра, где власть исключительно местная, ограниченная пятью-шестью гектарами островка среди огромного болота.

А искать сбежавшего ясыря - лишние хлопоты. Во-первых, строго соблюдался негласный сибирский обычай не выдавать беглых. Во-вторых, искать некому. В далеком детстве я как-то, начитавшись книг о революционерах-подпольщиках и зверствах жандармов, спросил свою бабушку, Пелагею Максимовну Гоношилову 1904 года рождения, сильно ли у нас в Знаменском районе беспредельничали полицейские. Она, старуха совершенно безграмотная, не сразу поняла, о ком я спрашиваю. После долгих объяснений, наконец, вникла в суть вопроса и ответила примерно следующим образом. Она слышала, что был где-то стражник. Один деревень на 15. Но видеть его не приходилось. Не приезжал он в Бобровку, ту деревню, где жила она в пору девичества: «А чего ему у нас делать, внучек? Если какая оказия случится, так мужики сами разберутся». Прошу обратить внимание: это уже двадцатый век. А рабство на территории Сибири прекратило свое существование в сороковых годах девятнадцатого столетия. Не думаю, что в девятнадцатом веке полицейских было больше, чем в двадцатом. К чему они? Земли в наших краях хватало. Крестьяне бунтов не затевали. В крайней нужде семей жило немного - с большим или ленивым хозяином. И последних, по убеждению моей бабушки, насчитывалось намного больше, чем первых.

Есть вещи, о сути которых мы никогда уже точно не узнаем, но предполагать нам никто не запретит. Вопрос вопросов - покупка омичами на Невольничьем острове пленников из числа православных. Если в рабах нельзя было держать взрослых крещеных невольников, как часто указывается в литературе, посвященной сибирскому рабству, то какой тогда смысл рядовому казаку или земледельцу выкупать привезенного степняком на Невольничий остров русского? Из религиозной солидарности? Может быть. Но людей благородных и одновременно

имеющих лишние деньги - единицы во все времена. Однако степняки везли в Омск ясырей русской крови, следовательно, спрос на них существовал.

Две причины, по которым выкупались русские невольники, хорошо известны. Первая: командование крепостей имело определенные суммы, специально выделяемые правительством для выкупа солдат, попавших в плен к степнякам; плененных солдат также разрешалось обменивать и на степняков, попавших в плен уже к нашим военным. Вторая причина выкупа русских из неволи - поступок во славу Христа. Несколько омских семей в складчину собирали сумму, необходимую для выкупа невольника. Освобождая душу православную от мучений, надеялись на прощение и своих грехов.

Здесь мы сталкиваем еще с одним фактором, который не позволял московской власти раз и навсегда запретить в Сибири торговлю рабами. Быстрые конные отряды степняков часто нападали на русские и татарские деревни всего с одной целью - захватить сибиряков для последующей продажи их на невольничьих азиатских рынках. Разрешение торговли рабами в Омске и Ирбите (ныне город в Свердловской области) позволяло вернуть хоть какую-то часть захваченных соотечественников. А большинство пленников попадало на среднеазиатские невольничьи рынки.

Разбираясь в истории сибирского рабства, необходимо отделить зерно от плевел. Прогрессивный публицист XIX века С. С. Шашков, например, писал, что каждый сибирский казак, пользуясь силой оружия, имел гарем из нескольких жен. Это неправда. Представим, что каждый из полутора тысяч участников военной экспедиции, посланной для основания Тары, завел хотя бы по две жены. Через год в Таре уже ревело бы три тысячи новорожденных. Прошло полтора-два года - опять три тысячи приплода. Чем детей кормить и как при таком

обременительном семействе совершать молниеносные рейды против джунгар и отрядов кучумовичей? А тарские казаки, стоявшие на границе между русскими владениями и Степью, в ответных мерах отличались редкой скоростью и крутизной нрава. И если бы русские военные вели себя подобным образом, как указывает Шашков, то разве бы жители татарских деревень обращались к местной администрации с просьбой поставить у их селения русский гарнизон, обещая кормить служивых за свой счет? Конечно, нет. Но такие обращения были, и небольшие заставы в 10-15 человек рядом с татарскими юртами ставились.

Безусловно, крестьяне-переселенцы и казаки ангелами не являлись, но границ дозволенного в большинстве своем не нарушали. Что касалось и браков с рабынями. Купил молодой русич местную девушку, окрестил - и под венец. Так, кроме жены, завел еще кучу родственников. Смотришь, позже свояченицу пристроит - за приятеля замуж выдаст. И тестю с тестем как собственных родителей почитает. Когда ослабнут от прожитых лет, как положено у русских, - к себе в семью заберет. С течением времени русские крепости обрастали пригородами из кибитки и юрт. В самой крепости инородцам запрещалось селиться. Военный городок, государственные секреты. Но так как русские крепости в сибирской степи обносились не кирпичными стенами, а рвами и деревянными палисадами, то границы укрепления легко стирались: дерево гнило, валы мельчали. На месте форпоста появлялось смешанное из русских и степняков поселение. Подобная история возникновения, например, у Железинки, приграничного казахстанского села, расположенного в двухстах километрах южнее Омска.

Известный русский путешественник, выпускник Омского кадетского корпуса Григорий Потанин в одном из своих очерков о Сибири писал, что местные офицеры на языках Степи разговаривают так же свободно, как и на русском. Поэтому не удивительно, что в предках многих знаменитых россиян из числа сибиряков - Лавра Корнилова, Георгия Катанаева, братьев Куйбышевых, Дмитрия Карбышева и других - оказались, как пишет омский краевед Иван Сихатов, представители различных степных народов.

Но дорого ли обходились покупные азиатские невесты? Нет, рабы стоили недорого. Автору этого материала в архиве Павлодарской области попался на глаза «рабский» ценник с Ирбитской ярмарки. Там указаны такие цены. Женщина сорока лет оценивалась в 12 рублей. Бухарец тридцати лет с женой покупался за 16 рублей и одного мерина, а ребенка можно было купить за 10-15 копеек. Многие калмыки (джунгары - В.Г.) по этому «прейскуранту» продавались сами - целыми семьями. Для сравнения: рабочая лошадь стоила от трех до пяти рублей, а хороший жеребец - десять. Бык - около полутора рублей. В таежной части Сибири молодую девушку можно было купить за 20 лисьих шуруков, суммарная стоимость которых составляла меньше рубля. Но документов с «рабскими» ценниками сохранилось не много, так как в отношении ясырей преобладала меновая торговля. Хозяйство-то велось натуральным образом.

Сибирское рабство умерло в 30-40-х годах XIX века. Умерло практически само по себе. Русских деревень в Зауралье стало много, население в них расслоилось на богатых и бедных. Свободные рабочие руки, появившиеся в изобилии, подрубили экономическую основу для владения человека человеком. Свободный труд более производительен, чем рабский.

Омский же Невольничий остров, лишившись узников, постепенно превратился в любимое горожанами место отдыха и развлечений. Даже из современных жителей Омска мало кто знает, что территория веселого парка «Зеленый остров» некогда служила тюрьмой для рабов. Собственно, то, что было в прошлом, не так уж и важно, важнее - что есть сегодня. Хотя и о прошлом забывать негже.